

Владислав Тихонов

Лезвие Мёртвой охоты

Владислав Тихонов

Лезвие Мёртвой охоты

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Тихонов В. Г.

Лезвие Мёртвой охоты / В. Г. Тихонов — «ЛитРес: Самиздат»,
2006

Провинциальный графоман-неудачник случайно находит кинжал из другого мира. Под воздействием демонического артефакта он преобразается в чудовище. Содержит нецензурную брань.

*Ад – территория избранных,
Рай – территория нищих...*

Поэт-мистик Иван Неклюдов.

– А я вам говорю, что Пупкевич велик! Что там Бродский! Сам Пастернак в сравнении с Пупкевичем ноль!

– Пупкевич? Не знаю никакого Пупкевича... Говно и блядь ваш Пупкевич!

Прыгая с прокуренных языков, будто наглые жирные блохи, слова металась по заслонявленному пространству. Неопрятный свет тусклых лампочек рисовал густые тени на физиономиях и мерцающие окошечки на бутылках с водкой. «Вот он, светлый пир богов», – думал Аркадий Шебуршёнов, раскачиваясь на стуле.

Аркадий Шебуршёнов, которого знакомые называли Аркашка-какашка, разведённый поэт сорока двух лет, степенно воспарял, ощущая вторжение в свой дух алкогольной крепости. Когда-то, не очень давно, он удосужился прочесть несколько книг. По простоте душевной Аркашка-какашка мнил, что кроме него этих книг больше никто не читал, и поэтому видел себя носителем и хранителем некоей истины. Истина эта представлялась Аркадию куском ваты, утопленным в розовом киселе. Она была бесформенной и неясной, но почему-то жутко важной и до зарезу нужной кому-то Самому Главному.

Торжественное заседание быдлогорского городского литобъединения «Кривая железа», посвящённое выходу книги стихов Иосифа Пупкевича «В печали ты, душа моя...» было, как пишут газетные пошляки, в самом разгаре.

На соседнем стуле поэт-спортсмен Тиша Покукаев заливался пьяными слезами и пытался декламировать стихотворение собственного сочинения. Он помнил только первую строку, которую и ревел безостановочно: «о русь моя, взмахни крылами». Руки Тиши, изображая взмахи могучих крыл, падали в тарелки с помидорами и винегретом, били соседей по ушам. Точнее, соседа – сидящего слева Шебуршёнова. Сосед справа, композитор-баянист Яша Мрукалис, давно спал и на оплеухи не реагировал.

Поэтому на Покукаева никто не обращал внимания – никто, кроме Аркадия, то и дело пытавшегося отодвинуться от хлещущей руки. Литераторы галдели и не слушали друг друга. Каждый нёс своё, каждый надрывно рассказывал шумной и прокуренной пустоте о своей гениальности и о ничтожестве всех остальных.

В грязной стопочке волновался спирт, разбавленный жиденьким электричеством. Сигаретный дым заплетался серыми змеями, вытягивался в глумливые бесовские рожи. Голова, как в далёком детстве, кружилась пёстрой пожарной каруселью. Лёгонькая тошнотца павлиньим пером щекотала горло, и было чудесно и брезгливо Шебуршёнову – аки в раю.

Только Покукаев мешал. Поэт-спортсмен никак не уставал изображать руками крылья, а Аркадий устал уворачиваться.

– Слушай, хватит махать, а? Размахался тут...

– А?

Залитое слезами и помидорной сопелью щетинистое лицо недоумённо обернулось на Аркадия. В расчерченных алыми молниями глазных яблоках лучился экстаз идиота.

– Руками, говорю, махать хватит. Надоел уже...

– А, это ты что ли, Аркашка-какашка? Привет.

Покукаев отвернулся от Аркадия, как от существа само собой малозначительного, и снова завыл про русь, замахал крылами. Покукаев давно уже не стриг ногтей – во-первых, из принципа, а во-вторых, чтобы походить на пророчествующего оптинского старца. Кривые и грязные когти при очередном взмахе пребольно оцарапали шебуршёновскую щёку.

– Ты чё, сука, туго соображаешь, что ли?!

Пожарная карусель в аркашиной голове моментально превратилась в кровавый вихрь. Болезненно взвизываясь, Шебуршёнов подхватил свой стул и обрушил его на Тишу.

– Ах ты, жид! Русь тебе наша святая не по нраву?! – загорланил Покукаев, слетая на пол. Ползая там, внизу, он пытался и дальше махать руками, чтобы вознестись до свинячьих аркашиных глаз и выклевывать их. Падая Тиша мордой об грязные рыжие доски, а казалось ему, что воспарил он к потолку, приклеился помидорной сопелью и не может никак спуститься на пол.

– Отмажьте меня отсюда! Снимите! – надрывался Покукаев. Он уже забыл про Аркашу и удивлялся тому, что никто не обращает внимания на такое чудо: возлелитировал в поэтическом угаре человек к потолку и спуститься не может.

Шебуршёнова вырвало. Зелёно-чёрная блевотина с красными вкраплениями помидоров и фиолетовыми островками винограда расплескалась по полу, образовав небольшое болотце. Гадко и грешно сделалось Аркадию всё вокруг. Светлый пир богов обратился в мерзостное сборище содомитов и пьяниц.

– Свины, скоты, ублюдки! Я ВАС ВСЕХ НЕНАВИЖУ!

Никто не обратил внимания. Каждый галдел и кричал своё. Каждому было что сказать этой звериной пустоте, выгородить себя и обвинить других. А пустота лениво пила электричество и ехидно слушала всех. Всех, кроме Аркадия.

«Это же обида. Смертельная обида», – думал Аркадий, хватая со стола чью-то вилку. Вилку воткнул он в спину спящему Мрукалису, после чего быстро надел свои пальто и шапку и вышел – в холод и безлюдье, в мокрый снег, в неосвещённые подворотни. Туда, где лают собаки и где бандиты притаились среди кустов, грея ножи в карманах. Во тьму внешнюю и скрежет зубовой.

* * *

Аркадий Шебуршёнов жил в холодной однокомнатной норе, в засранной пятиэтажной халупе на окраине Быдлогорска. По ночам хищные ветры выли за окнами, напускали в форточки лютую стужу, крутили темноту снеговыми петлями. В такие ночи любил Шебуршёнов сидеть в постели, закутавшись в дырявый плед, пить тридцатирублёвый портвейн и читать при свете старенького бра свои стихи.

Но сегодня, придя с торжественного заседания лито, чувствовал себя Аркаша препаршиво, и тихие радости были не нужны ему. Гнев поруганной души жёг сердце синим крематорским пламенем. Вставали перед глазами скверные рожи литераторов, долбило в уши ихнее гнусное горлопанство. Не знают Истины, а туда же, корчат из себя гениев... Недоумки паршивые...

Портвейну в холодильнике не оказалось. Не оказалось его и в записке – в ободранном пианино «Дружба». Тоскливо упал Шебуршёнов на взвизгнувший диван. Плохо и зря прошёл день: плюнул в морду, снял штаны, повернулся и показал говённую задницу.

Ущербная Луна за окном колебалась под порывами ветра, хлопья мокрого снега неслись сквозь ночь в атаку на невидимого врага, и не было Аркадию уюта. Нехорошим мятежным сном забылся он на своей тощей подушке. Просыпался каждые полтора часа, ходил на кухню пить воду из крана, затем снова падал на диван. О беспощадный путь зимних похмельных ночей, как же долго и труден ты! Хоть бы ничтожную крупицу радости занёс твой ветер в форточку! Хоть бы капельку тепла и покоя!

Метался Аркадий в злобном бреду на скомканной грязной постели, сквернословил сквозь скрип зубов, истекал слюной. Волшебные паучьи тени лезли из-под половиц, голодные

лунные щупальца тянулись к Шебуршёнову с потолка. Мрачным фиолетовым огнём мерцала извилистая лунная кожа.

Утопленный в хмельной агонии, не видел и не ведал Аркадий ничего.

* * *

Вычерченные из ночного марева Люди Льда и Тумана неслись вместе со снегом на быстрых крылатых змеях. Мёртвая Охота обгоняла сны и кошмары, врывалась в плотное кружение ветра опасной ноябрьской силой. Расплывчатые знаки на лицах светились темнотой, и не было спасения одиноким душам от тусклого свинцового сияния.

И случилось в эту ночь так, что ЮггерУннТраай, верховный шаман Людей Льда и Тумана, по воле ночных богов обронил своё ритуальное оружие. Упоённое музыкой ветра волосатое шаманское ухо не уловило лёгкого звона металла, упавшего в мёрзлую грязь.

Быстрые прозрачные змеи промелькнули в безрадостной разноэтажной тьме, отразились в спящих окнах красные глаза всадников, расплескался по углам непостижимый страх... Мёртвая Охота растворилась в эфире, всосалась в линии электропередачи, выплеснулась на иней мгновенной одинокой кровью. К утру кровь остыла. Дороги сна перекрыли рассветные шлагбаумы, и новый день пришёл за своей обычной добычей.

* * *

...Шебуршёнов проснулся в девятом часу. Глумливая синь наступившего утра лениво сменялась дневной серой мешковиной. Давно пора было подниматься и топать на работу. Точнее, на заработки.

Добывал себе пропитание Аркашка-какашка потным трудом грузчика на центральном быдлогорском рынке. Ворочал огромные баулы с китайским ширпотребом, тягал пыльные мешки с урюком и грецкими орехами, выволакивал из мясных фур мороженные коровьи трупы. Хилое шебуршёновское здоровье всячески восставало против таких заработков, но увыв... Суровая старуха Жизнь раз и навсегда убедительно доказала быдлогорскому поэту, что никаким иным рациональным делом он заниматься не в состоянии. Даже в сторожах и дворниках Аркадий долго не задерживался – каждый раз находился кто-то, кто управлялся с с метлой и амбарными замками намного лучше его.

Упал в желудок угрюмый плавленый сырок – вот и весь завтрак поэта. Изломанный похмельем мир в очередной раз чужд и враждебен был Шебуршёнову. Низкие потолки, потемневшие стены, серые стёкла, трамвайный грохот – всё сулило неприятности, угрожало, запугивало... Мерзкие тайны холодного городского утра шептали о себе в самые уши. Хихикливо, остервенело шептали, сводя с ума беспричинной назойливостью.

Напавлив плешистую кроличью ушанку, вышел Аркадий навстречу дню. Неподалёку от подъезда топтался безвозрастный местный дурачок Кокаколо, которого на самом деле звали Паша Ахтюгаев. В руке у Кокаколо была пластиковая бутылка с одноимённым напитком. Паша развлекал себя тем, что набирал газировку в рот и, подержав немного в надутых щеках, шумно выплёвывал на асфальт.

– Ты чё, Пашка, добро на говно переводишь? – вяло спросил Шебуршёнов, проходя мимо.

– А ты палоську потеял, себбяную, – Кокаколо вновь наполнил щёки жидкостью из бутылки и замер, пялясь безмятежными жёлтыми глазами в небушко.

– Какую ещё палочку?

Свободная Пашкина рука в синей шерстяной перчатке ткнула пальцем куда-то в сторону подъезда. Шебуршёнов автоматически поворотил глаза, и они уловили металлический блеск

на земле, под заснеженными кустами чахлого палисадничка. Один чёрт знает, что дёрнуло Аркадия Шебуршёнова подойти посмотреть, что это там блестит среди собачьего сранья. Но странный предмет, невесть как очутившийся возле подъезда совковой пятиэтажки, никоим образом не вязался с окружающей действительностью. Трясущейся рукой Шебуршёнов поднял с земли необыкновенный, явно старинный и дорогой нож. Точнее, кинжал.

Узкое изогнутое лезвие украшали диковинные, непривычные узоры, в которых виделось не то морское, не то небесное. В узоры гармонично вплелись острые знаки, напоминающие руны. Странную неудобную рукоять венчала ажурная свастика, от которой, казалось, исходило лёгкое белое сияние. «Золото. Белое золото», – тревожно и радостно догадался Аркадий. Сунув находку в карман, он пугливо завертел головой. Но кроме Кокаколо, самозабвенно поливавшего газировкой обледелый асфальт, рядом не было никого. Лишь родная пятиэтажка мёртво таращилась слепыми чёрными окнами. «Будем надеяться, никто не видел», – успокоил себя Аркадий и быстро поворотил домой. На работу он решил сегодня забить.

* * *

Таинственный клинок заворожил ум Аркадия, истерзанный пустым бытиём. В сложной паутине узоров на полированном лезвии грезился Шебуршёнову мистический холод неких высоких и злых духовных систем. Стальные рунические знаки звенели смертью, сочились выпитой кровью, светились безумным чужим огнём. Ажурная, похожая на осьминога, округлая свастика сулила вещи прекрасные и ужасные, манила радостью открытий и магических обновлений.

Первоначальный замысел толкнуть находку какому-нибудь антиквару растворился сам собой в первый же день. Чем больше разглядывал Шебуршёнов кинжал, тем сильнее чувствовал: перед ним вещь из иного, сакрального мира, посланная ему не случайно. «Я особенный человек, очень особенный, – грезил Аркадий, любуясь находкой. – Пускай никто пока не видит моей избранности, моего превосходства над всеми, но чувствую: недолго уж осталось прозябать. Обретённый кинжал – знак королевского отличия, атрибут высшего сана. Меня посвятили». В ответ на эти мысли лезвие переливалось синеватыми бликами, лучилось силой и властью... Рукоять пульсировала в ладони, посылая колючие, морозные импульсы в очарованный шебуршёновский мозг. Через кожу, по костям, по крови неслись посланцы древней стали в клетки серого вещества, в бесчувственный подчерепной студень – трансформатор и проводник идей, мыслей, образов...

А за окнами яростно безобразничала вечерняя темнота, радуясь вместе с Аркадием. Темнота грохотала погремущками трамваев, обливалась ядовитым электрическим светом, звенела дикими пьяными воплями, плевалась в уличные лица мёртвым рекламным огнём. Город сладостно извивался, придавленный наступающей ночью – он сделался слаб и немощен, он ждал насилия и унижений. Чудилось Аркадию, как пинает он этот скрюченный, барахтающийся в мусоре город, как бьёт тяжёлыми ботинками в квакающее быдлогорское брюхо и целит каблучком в неопрятную лысину.

Хриплое индюшачье брюзжание дверного звонка вернуло Шебуршёнова в реальность. Сунув кинжал под подушку, он пошёл открывать. За дверью стоял старший подъезда – неприятный пожилой горбун Плючишнян. Он пришёл требовать с Аркадия пятьдесят рублей за мытьё подъезда. Перегаром, колбасой и луком разило от Плючишняна и ещё чем-то донельзя скверным, чему и названия-то в русском языке нет.

Пятидесяти рублей у Шебуршёнова не было. Плючишнян, у которого в одиннадцать часов вечера не нашлось иных дел, кроме как собирать деньги за подъезд, принялся скандалить.

– У всех у вас нету! Как жрать да пить, так есть! А как за подъезд платить, так сразу нету ни у кого! Ты мне вывернись наизнанку, а деньги сыщи! А не то сам мой! Тряпку в зубы – и мой! А то, блядь, зассали весь подъезд и платить не хотят!

Вырванный отвратительным визитёром из мира мечты, Аркадий резко и с наслаждением озлобился. Он схватил горбуна за горло и мощным рывком забросил в квартиру. Помогли навыки грузчика: не зря же на базаре столько лет промудохался, бросая мешки с картошкой!

Затрепетавшей сердечной мышцей, воспрянувшей печёнкой ощутил Шебуршёнов любезную всякому человеку сладость расправы над врагом. Горбатый Плючишнян давно отравлял Шебуршёнову жизнь своим смрадным дыханием, своим невозможно петушиным голосом, подлыми сплетнями своими и паскудным шпионством. И вот теперь Плючишнян отдан ему на суд и растерзание. Сверкнула молния в беспросветной ночи, и гнев вечной зимы взметнулся ледяными кулаками. Спета твоя сраная песенка, ёбаный горбун!

Пока старший подъезда, кинутый на пол, пытался, свински матюгаясь, встать на ноги, Аркадий закрыл дверь.

– Ты что, уёбок, творишь?! Совсем сбрендил, ебантей?! Зачем дверь закрыл?! Выпусти меня! Помогите! Убивают!

Горбун поднялся было на ноги, но Шебуршёнов с силой толкнул его локтем в грудь. Чтобы не вопил, чтобы не вонял тут, сучье вымя...

По-обезьяньи взмахнув кривыми, фиолетовыми от пакостных наколок руками, Плючишнян вновь полетел на пол. Блёкло-розовенькие, протёртые до известковых дыр самоварные астры на обоях да затянутые пылью щели ободранного пола – вот и все свидетели этого дела.

В коридоре на полу зачем-то стоял у Аркадия прислонённый к стенке молоток. Старый, тронутый ржавчиной молоток, которым Шебуршёнов иногда забивал гвозди и колол грецкие орехи. Отполированная годами и грязью рукоять привычно легла в ладонь. Плючишнян завизжал, увидев, как змеиная головка молотка несётся на него из-за шебуршёновского плеча. Она целила точно в лицо.

От удара лопнул левый глаз. Лопнул – и потёк по толстой щеке. Ангелы мести распалили Шебуршёнова злыми скрипками и барабанами! Сдохни, Плючишнян! Сам ведь напросился! Сам, сам, сам! Сам захотел себе такого конца! Сам избрал судьбу! Сам нашёл палача! Получай теперь! Ударами яростными, неотвратимыми заглушить ненужный, сопливый предсмертный визг! Быстро и свирепо разворотить переносицу, пробить лоб, проломить височную кость!

Лют и бесстрашен сделался в убиении Аркадий. Непривычно холоден и трезв стал его разум, рука обрела крепость железа, твёрдость орудия всесокрушающего.

Широко расставив тонкие ноги, стоял он над телом врага. Плешиная голова Плючишняна превратилась в неопрятный, раздербаненный кочан. Сок этого кочана растёкся по полу ярко пахнущим, рельефным пятном. Аркадию вспомнился прочитанный некогда рассказ про убийцу, избличённого благодаря тому, что в его жилище догадались налить на пол воды. Воду лили до тех пор, пока она не заполнила доверху щели в полу и не вымыла наружу остатки крови жертв. «Жалко, что у меня полы не покрыты линолеумом», – думал Аркадий, глядя, как кровавые пузыри вытекают из плючишнянских мозгов.

Внезапно некая идея – острая, подобная возбуждающему наркотическому разряду – кольнула сердце. Отставив молоток, Аркадий юрким, стремительным зверем метнулся в комнату. Вырвал из-под подушки клинок и вознёс над головой, любуясь и ликуя, и замороженно почувствовал, как ток чудесной силы потёк по руке, притянутый из запредельного мрака магической сталью. Надо скорее напоить это нежное, хищно изогнутое лезвие, выкупать в крови... Скорее, пока не остыл труп подъездного притеснителя и не сбежали из него последние микробы жизни!

Чёрным нетопырём-падальщиком вился Аркадий над трупом горбуна, примеряясь, прицеливаясь... И вот он вонзил кинжал в остывающее скользкое мясо, прямо во впадину сол-

нечного сплетения – и почувствовал, как завибрировала в ладони рукоять. Клинок ожил! Резная свастика засияла тяжёлым рубиновым светом, закрутилась в золотом колесе, издавая мелодичный звон. Из центра её потекли мягкие кроваво-красные лучи. Подставив под них лицо, Аркадий почувствовал тревожное бархатное тепло. «Как после ядерной войны», – подумал он и радостно рассмеялся. Привиделись Аркадию многогранные башни и изумрудные купола, залитые сочащимся с небес пурпурным огнём. Красочными бликами замерцал вокруг Шебуршёнова окровавленный воздух. Неразбавленная чистая энергия космической одержимости запросто, будто к себе домой, вошла в его существование. Словно внезапно появилось у Шебуршёнова новое, непостижимое обычными зеркалами, лицо. «Я теперь Бог, – помыслил Аркадий, неторопясь почёсывая потные яйца, – великий Бог каннибалов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.